

ДУРНОВО А. Н. — в ПКК

ДУРНОВО Александр Нилович. Кадровый офицер царской армии в чине подполковника, с 1918 — служил в Красной армии, в 1919 — заболел сыпным тифом, был демобилизован из армии, вернулся в Нижний Новгород, работал в кустарном подотделе Губземотдела. 6 февраля 1920 — арестован по обвинению «в руководстве контрреволюционной организации». В середине февраля был отправлен для дальнейшего следствия в Москву и заключен в Бутырскую тюрьму.

В апреле 1920 — обратился за помощью в юридический отдел ПКК, описав подробности своего ареста и последующих допросов.

<5 апреля 1920>

«В Юридический Отдел
Политического Красного Креста

Арестованного Дурново Александра
Ниловича, находящегося в Бутырской
тюрьме, в 17 коридоре, в камере 45

Заявление

6-го февраля с<его> г<ода> у меня на квартире в Нижнем Новгороде по Жуковской ул<ице>, д<ом> 9, кв<артира> 3 был произведен обыск по ордеру Нижегород<ской> Губ<ернской> Чрез<вычайной> Комиссией заведующим активной частью Губ<ернской> Чека т<оварищем> Буровым, двумя агентами и 10 красноармейцами. Во время обыска у меня находился в гостях Боглевский, житель Н<ижнего> Новгорода, состоящий на службе в отделе Гос<ударственных> Сооружений в качестве дорожного техника, мой хороший знакомый, в настоящее время находящийся в больнице при Бутырской тюрьме, моя жена, Александра Ивановна, ныне находящаяся в карантине при женском отделении в Бутырской тюрьме, брат моей жены Аникин Петр Иванович, красноармеец, состоящий при Нижегород<ском> Автопарке, живущий у меня на квартире, председатель домового Комитета т<оварищ> Ильичев. Аникин в настоящее время находится в Бутырской тюрьме, в 17 кор<идоре>, камере 46.

Обыск продолжался от 11,5 веч<ера> до утра, и производили так тщательно, что была расколота чертежная доска, вскрыта рама портретов, сорван половой линолиум, сдвинута вся мебель.

При обыске была взята переписка, причем, ее складывали, не читая, в мешок, который опечатали и препроводили в Губчека. Кроме переписки, ничего другого у меня отобрано не было.

После обыска у меня на квартире были оставлены 2 часовых, а т<оварищ> Буров с красноармейцами отправились производить обыск к моему бывшему домохозяину Сперанскому Серг<ею> Павловичу, в настоящее время находящегося в Бутырской тюрьме в 17 коридоре, в камере 46.

В моем присутствии т<оварищем> Буровым было приказано оставленным часовым всех впускать в мою квартиру, но никого не выпускать, а также следить за оставшимися в моей квартире людьми.

После у гр<ажданина> Сперанского обыска меня и Боглевского арестовали и при сопровождении в Губчека к нам присоединили арестованного Сперанского, оставив при моей квартире часовых с тем же приказом.

В Губчека я был тотчас же помещен в отдельную от Сперанского и Боглевского камеру. Первый допрос был произведен через сутки, а

именно, в ночь с 7 на 8 февраля в 4 ч<аса> утра.

Допрашивали меня т<оварищ> Буров и т<оварищ> Мовчин и председатель Губчека. Мне были предъявлены 4 револьвера, которые, по словам т<оварища> Бурова, были при втором обыске 7 февраля найдены в мастерской при моей квартире, где первый раз в моем присутствии был произведен особенно тщательный обыск, не давший никаких результатов. Найденные же револьверы были, по словам т<оварища> Бурова, обнаружены на видных местах на полке, а именно, один, лежащий на полке, а три, завернутые в черном коленкоровом обрезке, за корзиной. С момента первого обыска до конца второго в квартире находились часовые Губчека.

8 февраля я вновь был вызван на допрос, и мне было т<оваищем> Мовчиным приказано немедленно ехать с агентами на мою квартиру для присутствия при третьем обыске. На автомобиле, в который меня посадили, находилась и моя жена, тоже арестованная при втором обыске.

Приехав на свою квартиру, я увидел ее запечатанной. Агенты, сорвав печати, приступили в моем и моей жены присутствии к третьему обыску. В той же мастерской в корзине, где стояла бутылка с кислотой, были снова обнаружены два револьвера, лежащие сверх соломы и лишь слегка ею прикрытые. После обнаружения этих револьверов один из агентов ушел говорить по телефону в соседний дом с Губчека и, когда он вернулся, обыск прочих помещений был очень поверхностный. Затем моя жена была оставлена дома, а я увезен в Губчека и снова заключен в камеру.

Через двое суток меня вызвали к новому допросу в 1 ч<ас> ночи. Меня допрашивали: т<оварищи> Буров, Мовчин и Крылов, начальник следственной части при Нижег<ородской> Губчека.

Мне было предъявлено обвинение в участии контрреволюционного заговора. Допрос начался с того, что меня начали ругать самыми площадными словами, приставляли к виску револьвер, палками пинали в грудь и спину, грозили позвать кого-то, который меня избьет до полусмерти, требуя, чтобы я немедленно назвал своих сообщников.

Говорил мне т<оварищ> Крылов, что моя жена по его приказанию избита и, если доживет до утра, то расскажет все. Затем был приведен избитый и плачущий Лотошников — сотрудник Губчека, который был у меня в доме две недели тому назад, где я и увидел его впервые, которому Крылов приказал в моем присутствии говорить все то, что он говорил и без меня. Лотошников, плача, сказал, что он все сказал, что ими ему было приказано, и более ничего не может сказать. Крылов снова ударил его два раза рукой по лицу и сказал, что от этого мерзавца более ничего не добьешься, и велел его куда-то увезти.

Когда увели Лотошникова, меня снова с бранью, грозя палкой, начали допрашивать о контрреволюционной организации. Не зная ее, я не мог ее назвать, и тогда т<оварищ> Крылов приказал меня отвести в холодный подвал, а завтра расстрелять и доложить ему, сказавши, что надо мне симулировать побег, и тогда никто за мой расстрел не ответит.

Я был уведен и посажен в холодный подвал, где и пробыл около суток, все время ожидал расстрела, без воды и пищи.

Приблизительно через 20 часов я был вызван на допрос. Меня допрашивал т<оварищ> Буров, который уже спокойно сказал мне, что, если я не укажу контрреволюционной организации, то Губчека имеет три способа меня умертвить: I способ, посадить меня снова в холодильник и на время забыть обо мне. II способ, симулировать побег и при побеге меня расстрелять и III способ, посадить меня в тифозную камеру.

Я едва стоял на ногах. Он это увидел, позвал коменданта и дал ему приказ отвести меня в теплую камеру и дать мне что-нибудь поесть, а через час отправить в I Нижег<ородскую> тюрьму.

Из тюрьмы через несколько дней я был вызван в Губчека, где мне предъявили обвинение в контрреволюционной организации, возглавляемой мною, а через двое суток отправили в Москву в О<собый> О<тдел> МЧК. В Москве я был по сие время допрошен только один раз т<оварищем> Удрисом.

В дополнение считаю не лишним добавить, что 18 января с<его> г<ода> был день моего рождения, и вечером среди 4 моих знакомых был т<оварищ> Львов, состоящий на службе в Кустарном Подотделе Нижегород<одского> Губ<ернского> зем<ельного> отдела, где состою и я. Когда мои гости были уже в сборе, явился Львов в сопровождении Лотошникова, которого он представил мне как своего племянника, приехавшего из Москвы. Мы играли в преферанс, и Львов с Лотошниковым вскоре ушли в мою мастерскую. Я скоро оставил карты и пришел к ним. Львов сказал мне, что ему очень неприятно, что он мне ничего не подарил и, несмотря на то, что я говорил ему, что это пустяки, он написал записку и послал Лотошникова к себе на квартиру, сказав мне, что он подарит мне 1/2 ф<унта> чаю. Я сам Лотошникова выпустил через черный ход. Минут через 25 Лотошников постучался через тот же черный ход. Я ему его открыл и заметил, что он был в другом пальто, т<о> е<сть> не в том, в котором он одевался, когда уходил. Не раздеваясь и не входя в комнату, т<оварищ> Лотошников попросил меня позвать Львова в коридор, что я и исполнил. Поговорив вдвоем в коридоре, Лотошников и Львов пришли в мастерскую, и Львов сказал мне, что ему придется идти самому, так как чая не нашли <...>»¹.

По ходатайству ПКК Александр Нилович Дурново был освобожден, продолжил работу в советских учреждениях. В 1924 — оставил службу по болезни, став пенсионером, как инвалид гражданской войны. В 1930 — скончался.

¹ ГАРФ. Ф. 8419. Оп.1. Д. 191. С. 4-9. Автограф.